

УДК 81'25

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА: КОММУНИКАТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В.В. Сдобников

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются недостатки традиционных определений перевода, а также излагается сущность коммуникативно-функционального подхода к переводу. На основе коммуникативно-функционального подхода предлагается определение перевода – основного понятия переводоведения.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональный подход, определение перевода, цель перевода, коммуникативная ситуация.

Functionalist Communicative Approach to Translation Definition

Vadim V. Sdobnikov

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The article criticizes traditional definitions of translation and highlights the fundamentals of the functionalist communicative approach to translation / interpretation research and performance. Translation is defined on the basis of the functionalist communicative approach.

Key words: functionalist communicative approach, translation definition, translation goal, communicative situation.

В настоящее время мы являемся свидетелями бурного развития переводоведения как науки. Базируясь на результатах исследований предыдущего периода и установив связи с другими дисциплинами, переводоведение значительно расширило предмет своего исследования, выйдя за пределы ограниченного круга традиционных вопросов вроде «что лучше – буквальный перевод или вольный?», «каковы критерии оценки качества перевода?», «какие операции производит переводчик в процессе перевода?», «что именно переводчик должен воспроизводить в переводе?». Появление в рамках переводоведения прагматических, социолингвистических, психоллингвистических, герменевтических аспектов позволяет глубже осознать сущность переводческой деятельности, ее особенности и назначение.

При этом подавляющее большинство переводоведов смирилось с парадоксальной ситуацией: при всей теоретической разработанности (хоть и относительной) многих аспектов переводческой деятельности до сих пор нет однозначного ответа на вопрос «А что такое перевод?». Другими словами, это основополагающее понятие переводоведения до сих пор остается не определенным, а значит – неопределенным, то есть неясным.

Возможно, многие с нами не согласятся, заявив, что уж чего-чего, а определений перевода наша наука знает множество. Не случайно

Ю. Найда иронично заметил, что «определений правильного перевода почти так же много, как и авторов, занимающихся обсуждением предмета» [5. С. 121]. Дело, однако, в том, что все эти определения перевода давались с разных теоретических позиций, на основе разных подходов к переводу как к деятельности и к его изучению, к тому же – в разные эпохи, когда господствовали разные научные течения (соотносимые с конвенциональной нормой перевода по В.Н. Комиссарову). Д.М. Бузаджи справедливо отмечает, что «... со сменой доминирующих научных течений, а в какой-то степени и под влиянием научной моды менялись подходы к определению центрального понятия переводоведения» [2. С. 10].

На ранних этапах становления и развития переводоведения как в нашей стране, так и за рубежом господствовал сугубо лингвистический подход к переводу (мы предпочитаем терминировать его как «текстоцентрический»), в соответствии с которым изучались собственно лингвистические аспекты перевода, связанные с соотношением двух языков, двух текстов и с теми действиями, которые осуществляет переводчик в процессе создания текста перевода. Характерным для этого этапа в развитии переводоведения было определение Л.С. Бархударова: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [1. С. 11]. Примерно аналогичным образом определяет перевод Питер Ньюмарк: “it is rendering the meaning of a text into another language in the way that the author intended the text” [10. С. 5]. Джулиан Хаус рассматривает перевод как замену текста на одном языке текстом на другом языке (“Translation is the replacement of an original text with another text”), правда, добавляя при этом, что перевод обеспечивает доступ к сообщению, существующему на другом языке [9. С. 3]. При таком подходе перевод выглядит как некая филологическая забава, своего рода игра «Переведи меня»: текст как бы говорит переводчику «Переведи меня», что тот и делает. Получается перевод ради перевода, действие ради осуществления самого действия¹. Можно привести множество других определений перевода, предлагаемых с тех же сугубо лингвистических позиций и не раскрывающих суть перевода как деятельности.

Ранее мы уже указывали на то, что традиционные определения перевода, созданные в рамках текстоцентрического подхода, когда всякое переводоведческое исследование базировалось исключительно на сопоставлении двух текстов – оригинала и перевода, страдают двумя

---

¹ Можно отметить и неудачное использование в определении слова «преобразование». На самом деле никакого преобразования одного объекта в другой объект при переводе не происходит, первоначальный объект остается самим собой и не меняется. А ведь слово «преобразование» означает именно некое изменение.

существенными недостатками [6. С. 86-87]. Первый заключается в попытке дать не определение перевода вообще, а исключительно качественного перевода. Например, в определении Л.С. Бархударова звучит требование сохранения (в переводе) неизменного плана содержания (оригинала). Получается, что если по каким-то причинам переводчику не удастся сохранить план содержания в неизменном виде (а это, кстати, не всегда нужно и не всегда возможно), то результирующий текст уже и не перевод вовсе, а что-то иное. Показательно в этом отношении и определение перевода по А.В. Федорову: «Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [8. С. 10]. Нет нужды комментировать категоричное требование «верности и полноты» воспроизведения того, что «уже выражено ранее средствами другого языка». Оно говорит само за себя.

Впрочем, не все согласны с тем, что определение перевода должно быть «бескачественным» в том смысле, что не должно содержать требований к качеству перевода. Так, Д.М. Бузаджи считает, что любая дефиниция должна быть качественной. Приводя в своей статье определение слова «автомобиль» из «Большого толкового словаря русского языка» («самоходная машина с двигателем внутреннего сгорания для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам»), он утверждает, что это дефиниция не «автомобиля вообще», а «качественного, хорошего автомобиля», поскольку она отказывает в звании автомобиля всем агрегатам, не способным перевозить пассажиров и грузы [2. С. 11]. По нашему мнению, в рассуждении Д.М. Бузаджи имеется некоторая некорректность: способность автомобиля перевозить пассажиров и грузы по безрельсовым дорогам – это указание на *функцию* предмета, а не на его качество. Функция предмета – это то, что отличает его от других предметов безотносительно к качеству (железнодорожный локомотив не способен перевозить пассажиров и грузы по безрельсовым дорогам, значит он не есть автомобиль, поскольку не выполняет функцию автомобиля; а уж какое у него качество – это следует выяснять за пределами дефиниции). Аналогичным образом должен решаться и вопрос с определением перевода: в основе его определения должно лежать указание на функцию переводчика, а не на качество, с которым он эту функцию выполняет.

Таким образом, мы подошли и ко второму недостатку традиционных (текстоцентрических) определений перевода, а именно к отсутствию указания на цель осуществления этой деятельности. На самом деле, из традиционных определений не ясно, зачем осуществляется перевод, а если нет этого указания, то абсолютно непонятна сущность этого вида человеческой деятельности. Даже указание А.В. Федорова на то, что «цель перевода – как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего ИЯ, с данным текстом (или содержанием устной речи)»

[8. С. 10], не решает проблемы, ибо остается неясным, а зачем нужно читателя или слушателя знакомить с данным текстом или содержанием устной речи. Чем определяется необходимость в этом? Неужели исключительно настойчивым желанием самого переводчика?

Указанных недостатков традиционных определений перевода лишено определение, предложенное В.Н. Комиссаровым, пожалуй, одно из самых известных и цитируемых. В.Н. Комиссаров определяет перевод следующим образом: «... перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении. Для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноправным представителем. Коммуникативный подход к переводу – ведущий принцип современной теории перевода» [3. С. 44-45]. На самом деле, перевод здесь определяется на основе коммуникативного подхода к изучению этого вида деятельности. Перевод включается, хотя и имплицитно, в структуру коммуникации между автором оригинала и получателем перевода (коммуникации непосредственной либо опосредованной). Отказ от сугубо лингвистического подхода, когда от перевода требуется определенная степень соответствия оригиналу с точки зрения семантики и грамматики, степень, определяемая неким сторонним наблюдателем, является несомненным достоинством данного определения.

Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, и оно не лишено некоторых недостатков. Прежде всего, Д.М. Бузаджи обращает внимание на определенную двусмысленность в том, что касается отправной точки данного определения: не вполне ясно, является ли критерием восприятие рецептора или все-таки характер самого ТП? [2. С. 14]. На наш взгляд, отмечаемая Д.М. Бузаджи двусмысленность не влияет кардинально на постулируемое в этом определении общее представление о переводе и отождествлении перевода с оригиналом, которое на самом деле присутствует практически всегда в реальной жизни: рецепторы перевода *вынуждены* отождествлять перевод с оригиналом, иначе они не смогут пользоваться переводом (разве можно пользоваться успешно тем, в чем сомневаешься?).

Определение В.Н. Комиссарова на самом деле выигрышно отличается от прочих известных определений отсутствием присущих им недостатков. Во-первых, здесь есть указание на цель перевода: перевод – это вид языкового посредничества. Собственно, в осуществлении посредничества между коммуникантами и заключается цель переводческой деятельности, если следовать логике данного определения. Во-вторых, в нем нет требований к качеству перевода. Понятно, что при таком подходе о качестве говорить как-то неудобно, ибо оно может быть

любим, что не мешает переводу оставаться переводом, коль скоро рецепторы перевода приравнивают перевод к оригиналу (а что им еще остается делать?). Таким образом снимается отмечаемая Д.М. Бузаджи двусмысленность: восприятие рецептора, его отношение к переводу как к замене оригинала является определяющим.

Вместе с тем и предлагаемое В.Н. Комиссаровым определение имеет некоторые недостатки. Мы, разумеется, согласны с Д.М. Бузаджи в том, что «идея коммуникативной замены оригинала переводом в культуре ПЯ зачастую осмысливается как предполагаемое соответствие коммуникативных эффектов, производимых ТО (текст оригинала) на носителей ИЯ и ТП (текст перевода) на носителей ПЯ соответственно» [2. С. 15]. Именно такое представление видится в определении В.Н. Комиссарова, и представление это неправильное. Мы исходим из того, что равенство коммуникативных эффектов, производимых оригиналом и переводом на соответствующих получателей, – иногда не только невозможно, но и не нужно. На первый взгляд, мысль крамольная, однако она находит подтверждение в реальной переводческой практике и соответствует здравому смыслу. Вряд ли перевод выступления зарубежного политического деятеля перед его соотечественниками способен оказать то же воздействие на читателей перевода, что и оригинал. Да и можно ли и нужно ли к этому стремиться в данном случае? Очевидно, что перевод выполняется с целью, которая отличается от цели создания оригинала (на эту же тему см. [7]).

Осознавая некорректность существующих определений перевода, Д.М. Бузаджи предлагает собственное: «Переводом мы предлагаем считать текст на переводящем языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности» [2. С. 17]. Автор призывает читателей не смущаться по поводу того, что это определение перевода-результата, а не перевода-процесса. Он исходит из того, что если дается определение результата, то перевод-процесс следует понимать как процесс, направленный на получение этого результата, и наоборот [2. С. 17]. Д.М. Бузаджи поясняет, что релевантная информация в переводе – это новая для рецептора информация о содержании и форме ТО, которая при этом имеет логическую связь с контекстом и обработка которой не сопряжена с чрезмерными затратами [2. С. 18]. Проще говоря, это та часть новой информации, которая имеет связь со старой, уже имеющейся информацией; взаимодействие старой и новой информации дает некий прирост информации, вероятно, значимый с точки зрения целей коммуникации.

Как ни странно, определение перевода по Д.М. Бузаджи таинственным образом вызывает ассоциации с традиционными определениями перевода. Как он сам пишет, «мы не делаем совпадение коммуникативных эффектов основой для описания сущности

перевода <...>. Вместо этого мы ставим <...> в центр внимания сам ТП и его отношение к ТО. Однако при этом для наших оценок мы используем не статичный и, как правило, механистический критерий лингвистической эквивалентности, а комплексную динамическую модель, в которой учитывается и тип текста, и его функциональная доминанта, и характер конкретного передаваемого на ПЯ элемента, и общая взаимосвязь между этими факторами» [2. С. 21]. Нет сомнений в справедливости приведенного утверждения и большей конструктивности используемого Д.М. Бузаджи подхода по сравнению с подходом традиционным. Вместе с тем в предложенном определении есть некоторая недосказанность, незавершенность. Остается ощущение, что автору тесно в рамках «комплексной динамической модели», в которой учитываются, по сути, сугубо лингвистические параметры текста (см. выше). Это ли не текстоцентрический подход к переводу? И если в центре внимания – сам текст перевода и его отношение к оригиналу, то насколько далеко мы ушли от традиционных определений (даже с учетом динамической модели)?

Недосказанность, незавершенность предложенного Д.М. Бузаджи определения перевода кроется в его же внутреннем противоречии: с одной стороны, перевод призван воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, с другой стороны, релевантная информация в переводе – это новая для рецептора информация о содержании и форме оригинала. И все. Опять в центре внимания исключительно оригинал с его содержанием и формой, выхваченный из реальной коммуникативной ситуации, в которой он создавался, и нет никакой оглядки на ту роль, которую должен играть создаваемый текст перевода опять-таки в реальной коммуникативной ситуации.

Справедливости ради нужно отметить, что до того, как автор дал окончательное определение релевантной информации в переводе, он написал очень просто и понятно: «Под коммуникативно релевантной информацией мы подразумеваем информацию, существенную для достижения целей коммуникации» [2. С. 17]. Вот это нам понятно, поскольку мы и сами предполагаем, что перевод выполняется для того, чтобы обеспечить коммуникацию (хотя и это происходит не всегда, о чем речь пойдет ниже). Без этого авторского указания получалось бы, что определение перевода по Д.М. Бузаджи основано скорее на текстоцентрическом подходе, нежели на коммуникативном.

В любом случае, с каких бы теоретических позиций ни давались известные нам определения перевода, ни одно из них не раскрывает полностью сущность и назначение переводческой деятельности. Мы полагаем, что этот недостаток может быть устранен только при условии использования коммуникативно-функционального подхода к переводу. Данный подход предполагает включение перевода как деятельности в

структуру более широкой предметной деятельности коммуникантов и рассмотрение перевода как инструмента, обеспечивающего успех этой деятельности и жизнедеятельности коммуникантов вообще.

Начнем с того, что переводческая деятельность никогда не осуществляется ради самой переводческой деятельности. Она всегда кому-то нужна, потребность в ней определяется потребностями конкретных людей, в свою очередь осуществляющих собственную предметную (производственную или познавательную) деятельность. Именно в рамках их предметной деятельности возникает необходимость перевода, выступающего в качестве инструмента реализации цели (целей) предметной деятельности. Таким образом, перевод всегда кем-то иницируется, следовательно, необходимо в структуру акта коммуникации с использованием перевода ввести личность инициатора перевода. Далее. Перевод всегда осуществляется в определенной коммуникативной ситуации, наиболее значимым компонентом которой для переводчика является цель осуществления перевода. Собственно, параметры коммуникативной ситуации, включающие и условия осуществления предметной деятельности инициатора / коммуникантов, и характер производимых ими текстов, определяют цель перевода. Анализ коммуникативной ситуации переводчиком предполагает уяснение того, чего ожидает от него инициатор перевода, уяснение той общей установки, которую дает ему инициатор перевода или которая вытекает из самих условий осуществления перевода (*translation brief*). Осознав цель перевода, переводчик выбирает стратегию перевода, реализация которой позволяет достичь цели перевода и оправдать ожидания инициатора перевода. В дальнейшем стратегия перевода реализуется путем использования определенных переводческих тактик, представляющих собой системную совокупность переводческих операций, направленных на решение конкретных задач, возникающих в процессе создания текста перевода. При этом, создавая продукт на ПЯ, переводчик всегда ориентируется на исходный текст, который для него является исходным пунктом осуществления речевой деятельности на переводящем языке. Другими словами, между переводом и оригиналом всегда сохраняется некое соотношение, степень которого определяется конкретной целью перевода в данной коммуникативной ситуации.

Исходя из этого, перевод можно определить как речевую деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ с опорой на текст на ИЯ, результат которой призван обеспечить успешную предметную деятельность инициатора перевода и / или коммуникантов в соответствии с целью перевода в данной коммуникативной ситуации.

По сути, выше мы изложили основные положения скопос-теории, разработанной К. Райс и Г. Фермеером, и дополненной К. Норд (в наиболее доступном виде эти положения излагаются в англоязычной

версии книги К. Райс и Г. Фермеера [11]). О чем не договаривают создатели скопос-теории, так это о том, что цель перевода (*translation goal*), общая установка переводчику по созданию текста на ПЯ (*translation brief*) определяются именно потребностями предметной деятельности инициатора перевода. Впрочем, к этой мысли можно прийти и на основе их рассуждений, но мысль эта у них остается на уровне импликации. Мы же считаем этот момент принципиально важным именно для понимания сущности перевода.

Понятно, что предложенное нами определение перевода охватывает практически все виды переводческой деятельности, включая те, в которых содержательное, структурное, стилистическое подобие перевода оригиналу незначительно (адаптация, пересказ, реферат). Исключением является, пожалуй, то, что Л.К. Латышев назвал текстуализацией интенций – случай, когда текста оригинала нет вовсе, а есть установка переводчику выполнить определенное речевое действие («узнай то-то», «добейся того, чтобы...» и т.п.) [4. С. 8-9]. Это именно то, что с полным правом можно отнести к иным видам языкового посредничества. Выбор формы и содержания перевода определяется целью перевода, ожиданиями и потребностями потенциальных получателей перевода и инициатора перевода.

Очевидно, что в нашем определении перевода нет указания на какие-то требования к качеству перевода. Точнее, требование только одно – обеспечить успешную предметную деятельность инициатора перевода и коммуникантов. Но, по сути, это не есть требование к качеству создаваемого переводчиком продукта, это указание на функцию данного вида речевой деятельности. В этом же заключается цель перевода, которая в данном определении формулируется весьма определенным образом.

В отличие от В.Н. Комиссарова, мы не определяем перевод как вид языкового посредничества. По нашему мнению, языковое посредничество предполагает не только непосредственное или опосредованное взаимодействие переводчика с коммуникантами, но и непосредственное или опосредованное взаимодействие самих коммуникантов друг с другом. Между тем, в определенных переводческих ситуациях такого взаимодействия коммуникантов может и не быть. Например, перевод рекламного текста не предполагает коммуникации между автором оригинала и получателем перевода. По сути, нет даже коммуникации между инициатором перевода (рекламодателем, рекламным агентством) и получателем перевода: инициатор перевода посредством переводного текста оказывает воздействие на получателя рекламы (читателя, телезрителя), но сам получатель остается пассивным, он не являет непосредственной реакции на воздействие со стороны рекламного текста. В этих условиях переводчик не выступает в качестве посредника. Он, скорее, представитель инициатора перевода, эксперт в области ПЯ и

иноязычной культуры. Таким образом, задача обеспечить успешную предметную деятельность *коммуникантов*, постулируемая в нашем определении, – это частный случай тех задач, которые решает переводчик. Но в каждом случае перевода перед переводчиком стоит задача удовлетворить потребности инициатора перевода.

Таким образом, в соответствии с коммуникативно-функциональным подходом перевод рассматривается как всякая деятельность переводчика по созданию текста на переводящем языке на основе текста на исходном языке, направленная на обеспечение жизнедеятельности субъектов в самом широком смысле.

Библиографический список

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. *Бузаджи Д.М.* К вопросу об определении понятия «перевод» // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 14. Т. 1. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. С. 10-22.
3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. *Латышев Л.К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
5. *Найда Юджин А.* К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 114-137.
6. *Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория перевод: Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 448 с.
7. *Сдобников В.В.* Коммуникативный эффект в двуязычной коммуникации: уточнение понятия // Современные проблемы частной теории перевода: Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 9 (588). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 121-130.
8. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
9. *House J.* Translation. Oxford, Oxford University Press, 2009. 122 p.
10. *Newmark Peter.* A Handbook of Translation. London: Prentice Hall, 1988. 292 p.
11. *Reiß K., Vermeer H.* Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained / Translated from German by Christiane Nord. Manchester: St. Jerome Publishing, 2013. 221 p.